

УДК 159.923.2

DOI: 10.34670/AR.2026.50.83.005

Я-виртуальное как модус Я-концепции подростка: теоретическое обоснование интегративной модели**Чабаненко Светлана Владимировна**

Старший преподаватель,
кафедра «Психология»,
Севастопольский государственный университет,
299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33;
аспирант,
Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48
e-mail: ChabanenkoPsychologist@yandex.ru

Аннотация

Цель: теоретическое обоснование интегративной модели Я-концепции современного подростка, учитывающей новый модус самости – «Я-виртуальное», формирующийся в условиях цифровой социализации и смешанной реальности. Методы: теоретический анализ и синтез классических подходов к пониманию Я-концепции (компонентная модель Р. Бернса, уровневая концепция В.В. Столина) и современных исследований цифровой социализации (Г.У. Солдатов, А.Е. Войскунский, Л.А. Регуш). Применен принцип системного анализа и метод теоретического моделирования. Результаты: предложена интегративная модель, в которой «Я-виртуальное» рассматривается как сквозной модус, пронизывающий когнитивный, оценочный и поведенческий компоненты Я-концепции на физическом, социально-ролевом и психологическом уровнях самосознания. Выделены ключевые факторы цифровой среды (перманентность и редактируемость самопрезентации, количественная обратная связь, анонимность и экспериментирование с идентичностью, смешанная реальность), трансформирующие процессы самопознания и самоотношения. Обозначены перспективы эмпирической проверки модели и сформулированы проверяемые гипотезы. Выводы: модель задает «систему координат» для эмпирических исследований возрастной динамики самосознания в цифровую эпоху, позволяя дифференцированно анализировать изменения на разных уровнях и в разных компонентах Я-концепции. Основной вклад состоит в различении «Я-виртуального» и виртуальной идентичности, а также в акценте на интеграции, а не на противопоставлении онлайн- и офлайн-образов «Я». Модель не является окончательной и требует эмпирической верификации.

Для цитирования в научных исследованиях

Чабаненко С.В. Я-виртуальное как модус Я-концепции подростка: теоретическое обоснование интегративной модели // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 40-50. DOI: 10.34670/AR.2026.50.83.005

Ключевые слова

Я-виртуальное, Я-концепция, подростки, цифровая социализация, интегративная модель, самосознание, самооценка, интернет-погруженность, виртуальная идентичность, смешанная реальность.

Введение

Подростковый возраст традиционно рассматривается как период интенсивного становления самосознания. Именно здесь, по словам Л.С. Выготского [Выготский, 1984, с. 123], возникает та самая «рефлексивная искривленность», когда мышление впервые обращается на самого себя. И.С. Кон [[Кон, 1978, с. 45] называл этот этап «открытием Я» — обретением внутреннего мира, который становится главным объектом переживания и осмысления. Классические модели Я-концепции, разработанные Р. Бернсом [Бернс, 1986] и В.В. Столиным [Столин, 1983], до сих пор остаются концептуальным каркасом для эмпирических исследований. Однако они сложились в иную эпоху — когда социальное взаимодействие было по определению телесным, непосредственным, а обратная связь — качественной и прямой, а не опосредованной экраном и алгоритмами.

Сегодняшний подросток формирует представление о себе не только в школе, дома, в компании друзей. Он одновременно присутствует в чатах мессенджеров, на серверах многопользовательских игр, в лентах социальных сетей. Это не просто «добавление» еще одной сферы жизни. Это качественно новая ситуация: гибридная, смешанная реальность [Солдатова, Войскунский, 2021, с. 435], в которой онлайн и офлайн переплетены настолько, что их разделение становится все более условным. Возникает закономерный вопрос: как классические модели Я-концепции работают в этих новых условиях? Требуют ли они пересмотра, дополнения, или даже замены?

В литературе последних лет появляется понятие «Я-виртуальное» [Солдатова и др., 2022; Довгая, 2022]. Оно фиксирует тот факт, что в цифровой среде формируется и действует особый модус самости — не просто «образ», не просто «роль», а полноценная, аффективно заряженная и поведенчески реализуемая часть Я-концепции. При этом «Я-виртуальное» не противостоит «Я-реальному» как нечто чуждое или вытесненное. Согласно данным Солдатовой и соавторов [Солдатова и др., 2022, с. 32], они скорее дополняют друг друга, взаимодействуют, иногда конфликтуют, но в целом интегрируются в единую, хотя и более сложную, структуру.

Однако теоретическая проработка этого конструкта пока отстает от эмпирических находок. Остается неясным, как именно «Я-виртуальное» встраивается в существующие модели. На каком уровне самосознания (по Столину) оно преимущественно локализовано? Какие компоненты Я-концепции (по Бернсу) оно затрагивает в первую очередь? Как цифровая среда трансформирует сам процесс самооценивания и саморегуляции?

Цель настоящей статьи — теоретическое обоснование интегративной модели, в которой «Я-виртуальное» рассматривается как полноценный модус Я-концепции подростка, действующий в условиях смешанной реальности.

Задачи исследования:

- Охарактеризовать классические модели Р. Бернса и В.В. Столина как базовую теоретическую рамку.
- Определить место «Я-виртуального» в структуре Я-концепции.

- Проанализировать ключевые трансформации, которые цифровая среда вносит в процессы самопознания и самоотношения.
- Предложить схему интегративной модели и обсудить перспективы ее эмпирической проверки.

Материалы и методы

Настоящая работа представляет собой теоретическое исследование, выполненное в жанре обзорно-аналитической статьи. Методологическую основу исследования составляют:

- Принцип системного анализа – рассмотрение Я-концепции как целостной, иерархически организованной системы, включающей различные компоненты и уровни.
- Метод теоретического синтеза – объединение классических подходов (компонентная модель Р. Бернса и уровневая модель В.В. Столина) с современными концепциями цифровой социализации (социально-когнитивная концепция Г.У. Солдатовой и А.Е. Войскунского).
- Принцип историзма – анализ эволюции представлений о самосознании и Я-концепции в контексте изменяющейся социальной ситуации развития.

В качестве теоретической базы использовались:

- классические работы по психологии самосознания и Я-концепции (Р. Бернс, В.В. Столин, Л.С. Выготский, И.С. Кон);
- современные исследования цифровой социализации и виртуальной идентичности (Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский, Л.А. Регуш и др.);
- работы по возрастной психологии и психологии подросткового возраста (Л.И. Божович, Э. Эриксон).

Литературный обзор

Прежде чем говорить о том, как цифровая среда трансформирует самосознание, необходимо зафиксировать исходную теоретическую рамку. В мировой и отечественной психологии сложились две влиятельные модели, которые до сих пор задают систему координат для эмпирических исследований. Одна из них делает акцент на компонентном строении Я-концепции. Другая — на ее уровневой организации. Взятые вместе, они образуют тот самый каркас, который мы попытаемся дополнить понятием «Я-виртуального».

Р. Бернс [Бернс, 1986, с. 30] предложил рассматривать Я-концепцию не как единый образ, а как систему установок, направленных на самого себя. «Я-концепция, — пишет Бернс, — это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой». В этой системе он выделяет три взаимосвязанных компонента.

Когнитивный компонент (образ «Я») — это описательная составляющая, ответ на вопрос «кто я?». Сюда входят и относительно объективные сведения (пол, возраст, профессия), и субъективные убеждения (черты характера, способности). Этот компонент формируется в социальном взаимодействии — через сравнение себя с другими и через обратную связь от значимых людей [Бернс, 1986, с. 45-47].

Оценочный компонент (самоотношение) — это уже не описание, а отношение к этому описанию. Нравится мне то, что я о себе знаю, или нет? Бернс вслед за К. Роджерсом подчеркивает: самооценка не сводится к сумме частных оценок. Это целостное переживание

собственной ценности, самоуважения, принятия или непринятия себя [Бернс, 1986, с. 45-47].

Поведенческий компонент — это готовность к определенным действиям, вытекающая из первых двух. Если человек считает себя общительным и ценит это качество, у него формируется установка на инициирование контактов. В цифровой среде этот компонент проявляется особенно отчетливо: установка на самопрезентацию, порожденная «Я-виртуальным», реализуется в выборе аватара, в стиле комментирования, в стратегиях ведения страницы.

Модель Бернса удобна для операционализации. Она дает исследователю «анатомический атлас»: когнитивный, оценочный и поведенческий срезы можно измерять по отдельности. Однако она статична. Она плохо объясняет, почему сходные когнитивные представления порождают разное самоотношение, и практически не учитывает внутренние конфликты.

В.В. Столин [Столин, 1983] смещает акцент с «горизонтальной» структуры на «вертикальную» иерархию. Его интересует не столько то, из чего состоит Я-концепция, сколько то, на каких уровнях она разворачивается и какие конфликты между этими уровнями движут развитием самосознания. Столин выделяет три уровня.

Физическое Я — самый ранний, генетически исходный. Это восприятие своего тела, его границ, физических состояний, внешности. По В. В. Столину, «в недрах этой активности формируется «схема тела» или «Я-образ» организма — итог всех процессов, отражающих состояние внутренних органов, мышц и активации организма в целом» [Столин, 1983, с. 46-47].

Социально-ролевое Я — принадлежность к общностям и исполнение ролей. Здесь действуют механизмы, описанные Дж. Мидом: принятие роли другого, ориентация на «Обобщенного Другого». В.В. Столин подчеркивает: «Поведение человека, занимающего определенную позицию, расценивается как ролевое и подлежит оценке с точки зрения соответствия ожиданиям» [Столин, 1983, с. 62].

Психологическое Я (или рефлексивное Я) — высший уровень. Здесь личность осознает себя как уникальную, обладающую внутренним миром, мотивами, ценностями, смыслами. Это уровень экзистенциальных вопросов о предназначении и аутентичности. По словам В.В. Столина, «на этом уровне прошлые впечатления, события и собственные действия субъекта перестают быть покоящимися пластами опыта; они становятся предметом его отношения и действий, меняя свой вклад в личность» [Столин, 1983, с. 217].

Главное в модели Столина — не сами уровни, а противоречия между ними. Именно они «запускают» работу самосознания. Например, конфликт между социально-ролевым уровнем (надо быть хорошим учеником) и психологическим (я чувствую, что мое призвание — в творчестве) — это не сбой, а движущая сила развития. Такой подход незаменим, когда мы пытаемся понять, на какой именно «глубине» цифровой опыт порождает рассогласования.

Модели Р. Бернса и В.В. Столина не противоречат, а дополняют друг друга. Уровни Столина пронизывают компоненты Бернса. Когнитивный компонент «Я-виртуального» можно анализировать на физическом уровне (аватар, цифровое тело), на социально-ролевом (статусы, членство в сообществах) и на психологическом (степень аутентичности онлайн-самопрезентации). А оценочный компонент — самоотношение — будет проявляться в специфических переживаниях, связанных с конфликтами именно между этими уровнями.

Эта интегративная рамка и будет нашей отправной точкой. Однако и Р. Бернс, и В.В. Столин разрабатывали свои концепции в эпоху, когда интернет еще не стал повседневностью. Следующий шаг — понять, что такое «Я-виртуальное» и как оно вписывается в эту систему.

Я-виртуальное как теоретический конструкт.

В психологической литературе последних лет закрепляется понятие «Я-виртуальное». Оно

фиксирует тот факт, что в цифровой среде формируется и действует особый модус самости — не просто «образ», не просто «роль», а полноценная, аффективно заряженная и поведенчески реализуемая часть Я-концепции. Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова и С.Н. Илюхина [Солдатова и др.] используют этот термин для обозначения идентификационных матриц, которые складываются у подростков и взрослых в онлайн-пространстве. Согласно их данным, «Я-виртуальное» и «Я-реальное» не противостоят друг другу, а активно взаимодействуют по принципу взаимного дополнения. При этом у подростков эти два модуса содержательно различаются и конструируются разными способами, но в целом ведут к формированию более целостного образа «Я» в смешанной реальности [Солдатова и др., с. 32-34].

Однако в цитируемой работе термины «Я-виртуальное» и «виртуальная идентичность» используются как синонимы. В рамках нашего исследования мы считаем необходимым их развести. Идентичность (по Э. Эриксону [Эриксон, 1996]) — это переживание самотождественности и непрерывности «Я» во времени и в разных социальных контекстах. «Я-виртуальное» — это не идентичность, а один из модусов Я-концепции, наряду с «Я-реальным». Оно включает в себя представления о себе в цифровой среде, самооценку этих представлений и поведенческие паттерны, реализуемые в интернет-коммуникации и деятельности. Иными словами, «Я-виртуальное» — это как человек видит, оценивает и проявляет себя онлайн, а не ответ на вопрос «кто я есть на самом деле» в экзистенциальном смысле.

Каково же место «Я-виртуального» в двух описанных выше моделях? Если следовать логике В.В. Столина [Столин, 1983], «Я-виртуальное» не привязано жестко к одному уровню. Оно может проявляться на физическом уровне — через аватар, отредактированную фотографию, заботу о цифровом теле. На социально-ролевом уровне — через статусы в сообществах, роли в игровых гильдиях, членство в профессиональных группах в соцсетях. На психологическом уровне — через рефлексию аутентичности своего онлайн-образа, через переживание разрыва или совпадения с реальным «Я».

По Р. Бернсу [Бернс, 1986], «Я-виртуальное» имеет собственный когнитивный компонент (образ себя в сети), оценочный компонент (самоотношение в онлайн) и поведенческий компонент (паттерны самопрезентации).

Таким образом, «Я-виртуальное» — это не изолированная сущность, а сквозной модус, пронизывающий все компоненты и уровни Я-концепции. Оно не отменяет и не замещает «Я-реальное», но в условиях высокой погруженности в интернет-среду может становиться доминирующим, вступать с ним в конфликт или, напротив, способствовать интеграции.

Цифровая среда — это не просто еще один канал коммуникации. Это качественно иное пространство, где меняются сами правила самовосприятия и самооценивания. Четыре ключевых фактора здесь работают одновременно.

- Перманентность и редактируемость самопрезентации. В офлайн-общении самопредъявление сиюминутно. Сказанное не вернешь. Внешний вид нельзя «откатить» назад. В цифровой среде все иначе. Подросток может часами подбирать фото для аватара, переписывать подпись, удалять неудачные комментарии. Возникает иллюзия полного контроля над образом себя [8, с. 33]. С одной стороны, это дает возможность для рефлексии: человек учится смотреть на себя со стороны, отбирать, что предъявить, а что оставить в тени. С другой — порождает риск разрыва между отполированным «Я-виртуальным» и спонтанным, несовершенным «Я-реальным». Чем больше усилий вложено в конструирование онлайн-образа, тем болезненнее может переживаться его несовпадение с реальностью [Чабаненко, 2026].

- Количественная обратная связь. В обычной жизни обратная связь многомерна: интонация, мимика, пауза, содержание ответа. В интернете она часто редуцируется до цифры — лайки, репосты, просмотры, подписчики. Эта цифра становится измеримым, наглядным и очень соблазнительным маркером социального одобрения. Механизм «зеркального Я» Ч. Кули [Cooley, 1902] здесь работает, но в искаженной форме. Зеркало показывает не целостный образ, а одну-единственную метрику. Подросток начинает оценивать себя через призму «сколько лайков собрал пост». Самооценка становится заложницей алгоритмов. Появляется тревога: «а вдруг не оценят?», «почему у нее больше?». Формируется зависимость от внешнего подтверждения.
- Анонимность и экспериментирование с идентичностью. В реальной жизни социальные роли относительно стабильны и привязаны к контексту (дома я — сын/дочь, в школе — ученик, в компании — друг). Цифровая среда позволяет создавать несколько аккаунтов, менять имена, пробовать разные идентичности без серьезных социальных рисков. Подросток может быть строгим критиком в одном сообществе и безобидным фанатом в другом. Анонимность дает свободу экспериментировать с теми сторонами личности, которые в офлайне подавляются. Это мощный ресурс для самопознания: примеряя разные роли, человек лучше понимает, что ему подходит, а что — нет [Солдатова и др., с. 34]. Но есть и обратная сторона. Опыт, полученный в разных ролях, может не интегрироваться, а фрагментироваться. Подросток оказывается в ситуации «перманентной пробы», не переходящей к выбору и ответственности. Э. Эриксон [Эриксон, 1996] назвал бы это ролевой диффузией — только теперь она разворачивается не только в реальности, но и в цифровом пространстве.
- Смешанная (конвергентная) реальность. Г.У. Солдатова и А.Е. Войскунский [Солдатова, Войскунский, 2021, с. 438] ввели понятие смешанной (конвергентной) реальности. Это ситуация, в которой онлайн и офлайн уже не противопоставлены, а переплетены в единый поток переживаний. Подросток может одновременно находиться в школьном коридоре и в чате класса, слушать учителя и просматривать ленту соцсетей. Границы между «Я-реальным» и «Я-виртуальным» становятся проницаемыми. То, что сделано в сети, влияет на репутацию в школе. То, что сказано в школе, может стать достоянием интернет-аудитории. Это требует от подростка постоянной саморегуляции, умения управлять разными версиями себя одновременно. Не все с этим справляются.

Результаты

Объединим теперь то, что было сказано выше в интегративную модель Я-концепции подростка в цифровой среде. Исходная теоретическая рамка — это компонентная модель Р. Бернса (когнитивный, оценочный, поведенческий компоненты) и уровневая модель В.В. Столина (физический, социально-ролевой, психологический уровни). Цифровая среда добавляет к этой рамке новый модус — «Я-виртуальное». Оно не заменяет «Я-реальное», а сосуществует с ним, взаимодействует, иногда конфликтует, но в целом интегрируется в единую, более сложную структуру.

На физическом уровне «Я-виртуальное» проявляется через аватар, отредактированные фотографии, заботу о «цифровом теле». Подросток выбирает, как его увидят другие: в каком ракурсе лицо, какой фильтр, какой фон. Это уже не просто внешность, а ее сконструированная, идеализированная версия. Когнитивный компонент здесь — знание о том, «как я выгляжу в

сети». Оценочный — нравится мне этот образ или нет. Поведенческий — частота обновления аватара, использование ретуши, выбор платформы для публикации фото.

Таблица 1 - Проявления «Я-виртуального» на разных уровнях и в разных компонентах Я-концепции

Уровень (по Столину)	Когнитивный компонент (образ Я)	Оценочный компонент (самоотношение)	Поведенческий компонент
Физический	Знание о том, «как я выгляжу в сети» (аватар, фото)	Удовлетворенность /неудовлетворенность своим цифровым телом	Частота обновления аватара, использование ретуши, выбор платформы для фото
Социально-ролевой	Представление о своих онлайн-ролях (модератор, стример, администратор)	Удовлетворенность ролями, признание в сообществе	Стратегии взаимодействия в группах, стиль коммуникации
Психологический	Осознание сходств и различий между разными модусами «Я»	Принятие / неприятие этих различий, переживание аутентичности	Попытки синхронизировать или разделить онлайн – и офлайн-поведение

На социально-ролевом уровне «Я-виртуальное» раскрывается через членство в онлайн-сообществах, статусы в игровых гильдиях, роли в дискорд-серверах. Подросток может быть лидером в одной группе и новичком в другой. Здесь важны не только реальные роли (ученик, сын/дочь), но и виртуальные (модератор, стример, администратор паблика). Когнитивный компонент — представление о своих онлайн-ролях. Оценочный — удовлетворенность этими ролями, признание со стороны участников сообщества. Поведенческий — стратегии взаимодействия в разных группах, стиль коммуникации

На психологическом уровне «Я-виртуальное» выходит на первый план, когда подросток задается вопросами: «насколько этот образ в сети — это действительно я?», «не слишком ли я отличаюсь онлайн и офлайн?», «что будет, если мои виртуальные и реальные друзья встретятся?». Это уровень аутентичности, самоидентичности, рефлексии. Когнитивный компонент — осознание сходств и различий между разными модусами «Я». Оценочный — принятие или неприятие этих различий, переживание подлинности. Поведенческий — попытки синхронизировать онлайн- и офлайн-поведение или, напротив, их сознательное разделение.

Эмпирические гипотезы, вытекающие из модели

Предложенная модель задает конкретные измеримые параметры. Для каждого уровня и каждого компонента можно подобрать или разработать диагностические инструменты. Например:

1. Когнитивный компонент «Я-виртуального» — модифицированная методика «Кто Я?» (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2022) с инструкциями «Кто я в реальной жизни?» и «Кто я в интернете?».

2. Оценочный компонент — Опросник самоотношения (ОСО) В.В. Столина и С.Р. Пантिलеева, позволяющий оценить самоуважение, аутосимпатию, ожидаемое отношение других и самоинтерес в контексте онлайн-активности.

3. Рассогласование между «Я-реальным» и «Я-виртуальным» — адаптированная версия методики С.А. Будасси, где респондент оценивает одни и те же личностные качества применительно к себе в реальной жизни и в интернете.

4. Степень погруженности в интернет-среду как модератор — «Индекс погруженности» Л.А. Регуш и соавторов (2021).

Модель также позволяет формулировать проверяемые гипотезы.

Гипотеза 1. Чем выше уровень погруженности, тем больше выражено рассогласование между «Я-реальным» и «Я-виртуальным» на физическом и социально-ролевом уровнях.

Гипотеза 2. У подростков с доминирующей социально-статусной онлайн-активностью оценочный компонент «Я-виртуального» в большей степени зависит от количественной обратной связи (лайки, подписчики), чем у подростков с познавательной или игровой активностью.

Гипотеза 3. Высокая рефлексивность (самоинтерес по ОСО) связана с большей согласованностью образов «Я-реального» и «Я-виртуального» на психологическом уровне.

Разумеется, эти гипотезы требуют эмпирической проверки. Предложенная модель — не истина в последней инстанции, а рабочий инструмент. Она может уточняться и дополняться по мере накопления данных.

Обсуждение и перспективы

Предложенная интегративная модель имеет ряд ограничений, которые важно обозначить. Во-первых, она построена на синтезе классических теорий (Бернс, Столин) и современных данных о цифровой социализации (Солдатова, Войскунский, Регуш). Сам этот синтез — теоретическая конструкция, требующая эмпирической верификации. Мы не знаем наверняка, насколько выделенные уровни и компоненты действительно «пронизываются» Я-виртуальным именно так, как это описано. Это гипотеза, а не установленный факт.

Во-вторых, модель не учитывает индивидуальных различий. Очевидно, что не все подростки в одинаковой степени рефлексиируют свое Я-виртуальное, не все сталкиваются с рассогласованием, не все испытывают тревогу по поводу лайков. Возрастные, гендерные, личностные особенности — все это модераторы, которые модель пока не захватывает. Их учет — задача дальнейших эмпирических исследований.

В-третьих, модель статична. Она описывает структуру, но не объясняет динамику. Как именно происходит интеграция Я-виртуального и Я-реального в ходе взросления подростка? Какие этапы проходит это сближение? На эти вопросы модель не отвечает. Здесь нужны лонгитюдные исследования.

Тем не менее, модель уже сейчас дает несколько важных ориентиров для возрастной психологии.

Первый ориентир — различие самосознания (процесса) и Я-концепции (структуры) должно быть сохранено и в цифровом контексте. Многие современные исследования смешивают эти понятия, говоря о «трансформации самосознания под влиянием интернета», но измеряя при этом только статичные представления о себе. Модель напоминает: процесс и результат — не одно и то же.

Второй ориентир — Я-виртуальное не является чем-то изолированным. Оно не «отменяет» и не «замещает» Я-реальное. В подростковом возрасте эти два модуса сосуществуют, взаимодействуют, иногда конфликтуют, но в целом интегрируются. Это означает, что исследователям не нужно противопоставлять онлайн и офлайн как две разные реальности. Скорее, нужно изучать их взаимовлияние и взаимопроникновение.

Третий ориентир — компонентная и уровневая структуры должны анализироваться

совместно. Недостаточно сказать, что интернет влияет на самооценку. Важно уточнить: на какой компонент самооценки? На каком уровне самосознания возникает рассогласование? Модель предлагает «систему координат» для таких уточнений.

Возрастной аспект заслуживает отдельного внимания. Предложенная модель, вероятно, будет работать по-разному на разных этапах подросткового возраста:

- Младшие подростки (11-13 лет) – только начинают осваивать цифровую среду, их Я-виртуальное чаще всего является прямым продолжением Я-реального, рассогласование минимально. Основная задача этого возраста – освоение базовых навыков самопрезентации [Кон, 1978, с. 78].
- Средние подростки (14-15 лет) – период активного экспериментирования с идентичностью. Здесь рассогласование между Я-реальным и Я-виртуальным достигает пика. Подросток пробует разные роли, проверяет границы, ищет признание. Этот возраст наиболее сензитивен к влиянию количественной обратной связи [Солдатова и др., 2022, с. 34].
- Старшие подростки (16-17 лет) – период интеграции. Начинается работа по согласованию разных модусов «Я», поиска аутентичности. Рассогласование может уменьшаться, но уже на новом, рефлексивном уровне [Эриксон, 1996, с. 210].

Эти возрастные различия требуют отдельного эмпирического изучения.

Заклучение

Цифровая среда изменила социальную ситуацию развития современного подростка. Классические модели Я-концепции, разработанные в XX веке, не учитывают этого нового контекста. В статье предложена интегративная модель, в которой Я-виртуальное рассматривается как сквозной модус, пронизывающий все компоненты (когнитивный, оценочный, поведенческий) и уровни (физический, социально-ролевой, психологический) Я-концепции.

Основные теоретические результаты:

- Обосновано различие самосознания (процесса) и Я-концепции (структуры) применительно к цифровой среде.
- Дано определение Я-виртуального как модуса Я-концепции, формируемого и проявляемого в онлайн-пространстве.
- Показано, что ключевые факторы цифровой среды (перманентность самопрезентации, количественная обратная связь, анонимность, смешанная реальность) трансформируют каждый из компонентов Я-концепции.
- Предложена схема интегративной модели и обозначены перспективы ее эмпирической проверки.

Вклад в возрастную психологию состоит в том, что модель задает «систему координат» для эмпирических исследований: на каком уровне и в каком компоненте искать изменения. Вклад в психологию цифровой социализации — в различении Я-виртуального и виртуальной идентичности, а также в акценте на интеграции, а не на противопоставлении онлайн - и офлайн-образов «Я».

Модель не является окончательной. Ее главное назначение — быть проверяемой. Последующие эмпирические исследования покажут, насколько она адекватна, и в каком направлении ее следует дорабатывать.

Библиография

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
4. Довгая Н.А. Я-виртуальное современного подростка: между желаемым и желательным // Сборник научных трудов «Общение в эпоху конвергенции технологий». 2022. Т. 1. С. 313–315. DOI: 10.24412/cl-36917-2022-313-315.
5. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
6. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Феномен погруженности в интернет-среду: определение и диагностика // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 107–125.
7. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.
8. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37.
9. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Издательство Московского университета, 1983. 288 с.
10. Чабаненко С.В. Познание, общение, игра: три вектора конструирования Я-концепции подростка в цифровой среде // Современные психологические исследования: методологическая база и практическое применение: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Севастополь, 2026. С. 252–261.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
12. Burns R.B. Self-Concept Development and Education. London: Holt, Rinehart and Winston, 1982. 441 p.
13. Cooley C.H. Human Nature and the Social Order. New York: Scribner's, 1902. 413 p.

Virtual Self as a Modus of the Adolescent Self-Concept: Theoretical Substantiation of an Integrative Model

Svetlana V. Chabanenko

Senior Lecturer, Department of Psychology,
Sevastopol State University,
299053, 33, Universitetskaya str., Sevastopol, Russian Federation;
Postgraduate Student,
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
191186, 48, Moika river embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ChabanenkoPsychologist@yandex.ru

Abstract

Objective: theoretical substantiation of an integrative model of the modern adolescent's self-concept, taking into account a new modus of the self – the "Virtual Self", formed in the conditions of digital socialization and mixed reality. Methods: theoretical analysis and synthesis of classical approaches to understanding the self-concept (R. Burns's component model, V.V. Stolin's level concept) and modern research on digital socialization (G.U. Soldatova, A.E. Voyskunskiy, L.A. Regush). The principle of systemic analysis and the method of theoretical modeling were applied. Results: an integrative model is proposed in which the "Virtual Self" is considered as a cross-cutting modus permeating the cognitive, evaluative, and behavioral components of the self-concept at the physical, social-role, and psychological levels of self-awareness. Key factors of the digital environment are identified (permanence and editability of self-presentation, quantitative feedback,

anonymity and experimentation with identity, mixed reality) that transform the processes of self-cognition and self-attitude. Prospects for empirical verification of the model are outlined, and testable hypotheses are formulated. Conclusions: the model sets a "coordinate system" for empirical research on the age dynamics of self-awareness in the digital era, allowing for a differentiated analysis of changes at different levels and in different components of the self-concept. The main contribution consists in distinguishing between the "Virtual Self" and virtual identity, as well as in emphasizing integration rather than the opposition of online and offline self-images. The model is not final and requires empirical verification.

For citation

Chabanenko S.V. (2026) Ya-virtual'noe kak modus Ya-kontseptsii podrostka: teoreticheskoe obosnovanie integrativnoy modeli [Virtual Self as a Modus of the Adolescent Self-Concept: Theoretical Substantiation of an Integrative Model]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 40-50. DOI: 10.34670/AR.2026.50.83.005

Keywords

Virtual Self, self-concept, adolescents, digital socialization, integrative model, self-awareness, self-esteem, internet immersion, virtual identity, mixed reality.

References

1. Berns, R. (1986). *Razvitiye Ya-kontseptsii i vospitaniye* [Self-concept development and education]. Progress.
2. Bozhovich, L. I. (1968). *Lichnost' i yeye formirovaniye v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. Prosveshcheniye.
3. Burns, R. B. (1982). *Self-concept development and education*. Holt, Rinehart and Winston.
4. Chabanenko, S. V. (2026) Poznaniye, obshcheniye, igra: tri vektora konstruirovaniya Ya-kontseptsii podrostka v tsifrovoy srede [Cognition, communication, game: Three vectors of constructing an adolescent's self-concept in the digital environment]. In *Sovremennyye psikhologicheskiye issledovaniya: metodologicheskaya baza i prakticheskoye primeneniye* [Modern psychological research: Methodological framework and practical application] (pp. 252–261). Sevastopol State University.
5. Cooley, C. H. (1902). *Human nature and the social order*. Scribner's.
6. Dovgaya, N. A. (2022). Ya-virtual'noye sovremennogo podrostka: mezhdru zhelayemym i zhelatel'nyim [The virtual self of a modern adolescent: Between the desired and the desirable]. In *Obshcheniye v epokhu konvergentsii tekhnologiy* [Communication in the era of technology convergence] (Vol. 1, pp. 313–315). <https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-313-315>
7. Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis]. Progress.
8. Kon, I. S. (1978). *Otkrytiye "Ya"* [The discovery of the "self"]. Politizdat.
9. Regush, L. A., Alekseeva, E. V., Veretina, O. R., Orlova, A. V., & Pezhemskaya, Yu. S. (2021). Fenomen pogruchennosti v internet-sredu: opredeleniye i diagnostika [The phenomenon of immersion in the internet environment: Definition and diagnostics]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal], *81*, 107–125.
10. Soldatova, G. U., & Voiskunsky, A. E. (2021). Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoy sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [The socio-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and social evolution of the psyche]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], *18*(3), 431–450.
11. Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., & Ilyukhina, S. N. (2022). Ya-real'noye i Ya-virtual'noye: identifikatsionnyye matritsy podrostkov i vzroslykh [The real self and the virtual self: Identification matrices of adolescents and adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], *18*(4), 27–37.
12. Stolin, V. V. (1983). *Samosoznaniye lichnosti* [Self-awareness of personality]. Moscow University Press.
13. Vygotsky, L. S. (1984). *Sobraniye sochineniy* [Collected works] (Vol. 4, Child psychology). Pedagogika.